

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

*Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2025. № 2 (83). С. 178–187.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2025. Vol. 2 (83). P. 178–187.*

Научная статья

УДК 141.319.8

doi: 10.54398/1818-510X.2025.83.2.018

ПРОЕКТ НЕГАТИВНОЙ АНТРОПОЛОГИИ В ФИЛОСОФИИ ДЖ. АГАМБЕНА

Костомаров Артур Сергеевич

Самарский национально-исследовательский университет имени академика
С. П. Королёва, г. Самара, Россия
arthur_boyard@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0733-3011>

Аннотация. Целью исследования является анализ концепции негативной антропологии в философии Джорджо Агамбена, с особым акцентом на деконструкцию категорий праздности (*inoperosità*) и потенциальности (*potentia*) как центральных элементов критики западной метафизической традиции. В отличие от классических антропологических моделей, конституирующих субъекта через деятельностные или сущностные характеристики, Агамбен предлагает иную перспективу, в которой человеческое бытие раскрывается через способность не реализовывать свою потенциальность, но удерживать ее в модусе чистой возможности. Эта идея становится особой актуальной в условиях цифрового контроля и идеологии гиперпродуктивности. Исследование агамбеновской критики диспозитива деятельности демонстрирует, что праздность не является пассивным состоянием, но представляет собой изначальное экзистенциальное измерение человеческого существования. В этом контексте праздность приобретает не негативный, а конституирующий характер: она формирует пространство альтернативного опыта времени и бытия, позволяя субъекту оставаться в модусе потенциальности, а не принудительной актуализации. Праздность в этом смысле выступает способом сопротивления функциональной необходимости, обеспечивая возможность радикального переосмысления онтологии действия и бездействия. Ключевой концепт агамбеновской философии – «потенция-не» (*potenza-di-non*), которая противопоставляется традиционному онтологическому и политическому парадигмам, определяющим субъекта через действие. Потенция-не выражает не просто способность действовать, но и способность удерживать себя в состоянии неосуществленной возможности, что позволяет субъекту оставаться вне предзаданной функциональности. Исследование демонстрирует, что подлинная свобода проявляется не в принудительной реализации потенциала, но в способности сохранять его в состоянии незавершенности. Это делает человеческое существование принципиально открытым, исключая телологическую завершенность и предопределенность. В этом контексте негативная антропология Агамбена не просто отвергает традиционные категории субъектности, но и предлагает новую этику имманентности, в которой свобода реализуется не через действие, а через радикальную приостановку, создающую условия для альтернативных форм бытия.

Ключевые слова: Джорджо Агамбен, негативная антропология, потенциальность (*potentia*), имманентная негативность, биополитика, праздность (*inoperosità*), животное, лишённость, свобода, слабость, университет

Для цитирования: Костомаров А. С. Проект негативной антропологии в философии Дж. Агамбена // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2025. № 2 (83). С. 178–187. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2025.83.2.018>.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

© Костомаров А. С., 2025

THE PROJECT OF NEGATIVE ANTHROPOLOGY
IN GIORGIO AGAM BEN'S PHILOSOPHY

Artur S. Kostomarov

Samara National Research University, Samara, Russia

arthur_boyard@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0733-3011>

Abstract. The aim of this study is to analyze the concept of negative anthropology in Giorgio Agamben's philosophy, with a particular focus on the deconstruction of the categories of inoperativity (*inoperosità*) and potentiality (*potentia*) as central elements of his critique of the Western metaphysical tradition. Unlike classical anthropological models that constitute the subject through active or essential characteristics, Agamben proposes an alternative perspective in which human being is revealed through the capacity "not" to actualize its potentiality but to retain it in the mode of pure possibility. This idea gains relevance in the context of digital control and the ideology of hyper-productivity. Agamben's critique of the apparatus of activity demonstrates that inoperativity is not a passive state but rather a primordial existential dimension of human existence. In this framework, inoperativity assumes not a negative but a constitutive role: it creates a space for an alternative experience of time and being, allowing the subject to remain in the mode of potentiality rather than forced actualization. Inoperativity thus emerges as a form of resistance to functional necessity, enabling a radical rethinking of the ontology of action and inaction. A key concept in Agamben's philosophy is "potentiality-not-to" (*potenza-di-non*), which contrasts with traditional ontological and political paradigms that define the subject through action. "Potentiality-not-to" expresses not merely the capacity to act but also the ability to hold oneself in a state of unrealized possibility, enabling the subject to remain outside predetermined functionality. For Agamben, true freedom manifests not in the coercive realization of potential but in the capacity to preserve it in a state of incompleteness. This renders human existence fundamentally open, excluding teleological closure or predetermination. In this context, Agamben's negative anthropology does not simply reject traditional categories of subjectivity but also proposes a new ethics of immanence, where freedom is realized not through action but through a radical suspension. This suspension creates the conditions for alternative forms of being, grounded in the refusal of instrumentalized productivity.

Keywords: Giorgio Agamben, negative anthropology, potentiality (*potentia*), immanent negativity, biopolitics, idleness (*inoperosità*), animal, deprivation, freedom, weakness, universality

For citation: Kostomarov A. S. The project of negative anthropology in Giorgio Agamben's philosophy. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2025, no. 2 (83), pp. 178–187. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2025.83.2.018>.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Классическая философская мысль, от античной метафизики вплоть до марксизма, основывается на утверждении, что сущностное определение человека раскрывается через деятельность, через его активную вовлечённость в мир (*energeia*). Как показано в работе М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» (1905), данная парадигма формирует идеологическую основу капитализма, где труд и продуктивность превращаются в нормативные императивы [7, с. 44]. В этом контексте деятельность начинает функционировать как диспозитив – инструмент власти, организующий человеческое существование через призму социально-экономической эффективности. Антропологический проект современного итальянского философа Джорджо Агамбена осуществляет радикальный отход от этой традиции, смещая фокус с категории деятельности на концепцию праздности и потенциальности [9, с. 8]. Эта концепция праздности связана с идеей человека как существа, лишённого дела и конкретной цели, но именно это отсутствие цели делает возможной человеческую активность и труд.

Согласно Агамбену, деятельность не только подчиняет индивида внешним структурам, но и заслоняет его онтологическое своеобразие — способность сохранять потенциальность, избегая её полной актуализации. Негативная антропология Агамбена определяет человека не через производство, но через нереализованную возможность, утверждая, что подлинная свобода возникает в удержании человеком своей возможности [8, с. 293]. Цель итальянского философа заключается в создании антропологической модели, где бытие раскрывается через имманентную потенциальность человека.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью переосмысления классических антропологических моделей (от аристотелевской *energeia* до марксистской диалектики труда), утрачивающих эвристическую ценность в условиях современных кризисов — от трансформации труда до фрагментации идентичности. Классическая философия, которая базируется на метафизической концепции субъекта, подразумевает его относительно неизменный и стабильный характер. Агамбен видит в субъекте позднего модерна напряжение между правом, властью и жизнью, поэтому его нельзя адекватно описать в терминах материального праксиса (марксизм) или трансцендентальной субъективности (феноменология). Традиционные модели философской антропологии, как, впрочем, и философские модели, связанные с неклассической философией XX в. не могут учесть праздность и потенциальность, поскольку они направлены на объяснение того, что уже актуализировалось в деятельности, а не того, что остаётся в сфере возможного.

В марксистской традиции человек определяется через производство и практику. Человеческая природа в марксизме связана с преобразованием мира посредством его предметно-практического освоения. Несмотря на фундаментальную критику капиталистического общества, Маркс продолжает мыслить человека в логике труда, поскольку социальное освобождение определялось им как снятие отчуждения в труде, а не как отказ от самой идеи труда. Агамбен критикует эту установку, показывая, что понимание человека только через действие и труд закрепляет его в структурах власти. Итальянский мыслитель предлагает мыслить человека не из перспективы деятельности, труда и классовой борьбы, а из перспективы праздности, удержания своего бытия в пространстве потенциальности.

В феноменологической философии человек — это прежде всего сознательный субъект, который конституирует мир посредством смыслопридающих, интенциональных актов сознания. Праздность же нарушает это направленное на мир существование. Феноменология рассматривает только интенциональный опыт, понимает человека как субъекта, активно осваивающего мир, но не учитывает неопределённое состояние праздности, в котором человек не привязан к какой-либо определённой сущности, существует в пространстве потенциальности, которая, по мысли Агамбена, предшествует любому интенциональному акту.

Аналитическая философия строится на двух принципиальных идеях: во-первых, бытие подчиняется трансцендентальным структурам языка, во-вторых, сознание есть «вычислительная система» (Д. Деннет), чьи процессы можно объяснить через эволюцию и функциональную логику. Аналитическая философия объективирует сознание, стремясь вписать его в научную картину мира. Агамбен же стремится к осмыслению сознания не в терминах функциональности и продуктивности, определяет его не как элемент эволюции, а как открытую потенциальность. Дж. Агамбен предлагает негативную онтологию, которая должна учитывать не только проявленное бытие, но и непроявленное, возможное, удержанное в неопределённости. Именно в этой неопределённости скрывается возможность новой политики, не зависящей от традиционных категорий труда, суверенитета и морали.

В рамках настоящего исследования ставится вопрос о том, каким образом концепция негативной антропологии Джорджо Агамбена, базирующаяся на деконструкции категории праздности и потенциальности, осуществляет критический переосмотр традиционных антропологических парадигм, определяющих человека через

продуктивность и сущностные характеристики. Исследование вносит вклад в философские дискуссии о природе свободы, актуализируя концепты праздности, потенциальности и этику имманентности. Эти категории, разработанные Агамбеном, позволяют переосмыслить субъективность за пределами установленных нормативных идентичностей и традиционных метафизических рамок.

Методы исследования включают в себя деконструкцию философских категорий и критический анализ агамбеновской интерпретации классической философской терминологии в контексте его полемики с западной метафизикой, а также сравнительно-исторический подход, предполагающий сопоставление негативной антропологии Агамбена с традиционными антропологическими парадигмами и современными социальными и антропологическими теориями. Исследование демонстрирует, что негативная антропология Агамбена не только оспаривает доминирование продуктивности как антропологической константы, но и предлагает инструментарий для критики современных форм власти, основанных на эксплуатации человеческой потенциальности.

Праздность как экзистенциальное состояние

Антропологический проект Джорджо Агамбена во многом строится вокруг исследования генетической функции праздности (*inoperosità*) как фундаментального условия конституирования человеческого бытия. В его работах данное понятие занимает уникальное положение: будучи ключевым для деконструкции биополитических механизмов, оно остается эпистемологически амбивалентным – одновременно эвристически продуктивным и ускользающим от однозначных дефиниций. Праздность у Агамбена интерпретируется как в двух основных направлениях. Во-первых, праздность выступает как онтологический феномен – исходное экзистенциальное состояние, предшествующее акту выбора или праксису. Во-вторых, как деституирующая процедура, направленная на приостановку влияния диспозитивов власти. Через праздность субъект трансцендирует навязанные таксономии, выходя за пределы функциональных рамок, заданных социальными институтами. Таким образом, праздность выступает не только как пассивное состояние, но и как акт сопротивления, позволяющий переопределить отношения между индивидом и структурами власти.

Дж. Агамбена трактует *inoperosità* (праздность) как исходное экзистенциальное условие, предшествующее акту выбора или инструментальной деятельности. Агамбен утверждает, что человек конституируется не через действие, но через способность к бездействию. В работе «Грядущее сообщество» он подчеркивает: «Человеческая жизнь бездеятельна и лишена цели, но именно это отсутствие дела делает возможной беспрецедентную деятельность. Человек посвящает себя труду лишь потому, что его сущность – это бездействие, делающее его “животным субботы”. Власть же функционирует, лишь присвоив эту бездеятельность как свою основу» [1, с. 78]. Этот тезис контрастирует с экзистенциальной философией Ж.-П. Сартра, где человеческое бытие реализуется через выбор, конституирующий субъективность [11, с. 205]. Даже совершая действия, «праздное существо» не исчерпывает ими свою сущность, оставаясь нередуцируемым к конкретному выбору или праксису.

Таким образом, Агамбен развивает апофатическую антропологию, где человек определяется через отсутствие сущности – как негативная имманентность, чья бытие раскрывается в потенциальности, а не в актуальности. Как отмечает философ: «Любая этика исходит из того, что человек не имеет и не должен иметь сущности, будь то духовной, исторической или биологической» [1, с. 43]. Этот подход не отрицает процессы индивидуации, но подчеркивает их радикальную незавершенность: идентичность лишена онтологического фундамента и конституируется исключительно через свою возможность.

Такое представление о человеке приводит Агамбена к радикальной критике трансцендентализма – традиции, утверждающей существование априорных структур (трансценденталий), определяющих человеческое бытие. Для Агамбена подобный подход, восходящий к И. Канту и Э. Гуссерлю, не только ограничивает понимание

человека, но и служит инструментом контроля, фиксируя идентичности в рамках нормативных категорий (например, «гражданин», «работник», «субъект права»). Вместо поиска универсальных оснований Агамбен предлагает сосредоточиться на имманентности жизни, понимаемой как поле чистой потенциальности, не сводимой к актуальным формам существования. Спасение имманентности становится центральной задачей его философии. Как он отмечает в «Грядущем сообществе», человеческое бытие раскрывается не через присвоение сущности, но через способность удерживать возможность, не актуализироваться [2, с. 45]. Эта позиция противопоставляется классической метафизике, где человек определяется через *energeia* (действительность) – будь то аристотелевская реализация формы или марксистская диалектика труда.

Имманентная негативность, ключевой концепт агамбеновской антропологии, подразумевает, что человеческое существование принципиально незавершено и нередуцируемо к каким-либо предзаданным категориям. В отличие от трансцендентальных моделей, где идентичность конституируется через принадлежность к универсалиям (разум, воля, дух), у Агамбена субъектность формируется в зоне неразличимости между возможностью и актуализацией, где бытие не закрепляется за фиксированной сущностью, а остаётся в состоянии открытости и не-осуществленности.

Итак, агамбеновская антропология выступает как попытка определить человека через имманентную негативность, где его сущность проявляется не в том, чем он стал, а в том, чем он может не быть. Такая позиция перекликается с хайдеггеровским «бытием-к-смерти»: как конечность открывает пространство для подлинного существования, так и праздность открывая бытие в его возможности, в несводимости к функции или предназначению. В рамках этого подхода центральной становится категория потенциальности (*potentia*), которая будет подробнее рассмотрена далее.

От праздности к потенциальности

Понятие потенциальности Джорджо Агамбен заимствует из аристотелевской философии (*dynamis*), переосмысливая его в рамках своей антропологии. В трактате «О душе» Аристотель определяет ум (*nous*) как изначально потенциальное бытие, способное к саморефлексии именно благодаря своей незавершённости: «Ум существует в возможности... и потому может мыслить самого себя» [5, с. 434].

Агамбен акцентирует внимание на том, что для Аристотеля ум – это чистая способность, предшествующая любой деятельности. Даже в акте мышления или действия, считает Агамбен, потенция сохраняется как возможность иного выбора, что подрывает линейную логику перехода от *dynamis* (потенциальности) к *energeia* (действительности).

Ключевое отличие интерпретации Агамбена от аристотелевской метафизики заключается в переоценке онтологического статуса потенции. Если у Аристотеля ценность ума обусловлена его актуализацией, поскольку «ум становится собой, только мысля» [5, с. 435], то Агамбен утверждает: «Истинная потенция – это способность не переходить в действие, сохраняя себя как “потенцию-не” (*potenza-di-no*)» [3, с. 20]. Этот тезис раскрывает следующий антропологический сдвиг: человек, по Агамбену, конституируется не через реализацию сущности, но через удержание потенциальности, что позволяет ему избежать подчинения социальным и политическим диспозициям. В работе «Грядущее сообщество» философ подчёркивает: «Коммуникация возможна лишь через то, что в нас остаётся неактуализированным» [4, с. 20].

Историко-философская значимость агамбеновской критики потенциальности заключается в проблематизации классического понимания мышления и действия. Аристотель связывал человеческую рациональность с необходимостью актуализации (политическое участие, труд), тогда как Агамбен выявляет имманентную свободу в самой способности не действовать. Это переосмысление открывает новые перспективы для анализа власти, субъективности и этики, выводя потенциальность за рамки аристотелевской оппозиции *dynamis* / *energeia*.

Таким образом, человек, согласно Агамбену, обладает уникальной способностью удерживать, темпорализировать потенцию, сохраняя её в модусе незавершённости, без перехода к актуализации. Это онтологическая особенность человека устанавливает границу между человеческим и животным миром: если животное подчинено биологически детерминированным паттернам (инстинктам), где любая потенция немедленно реализуется в действии, то человек способен удерживать потенциальное как чистую возможность, откладывая её актуализацию. Именно эта способность лежит в основе феноменов лени и прокрастинации, которые Агамбен трактует не как недостатки, но как выражения родовой сущности человека – бытия, определённого через праздность и потенциальность [12, с. 155].

Важнейшим аспектом агамбеновской антропологии становится тезис о внутренней связи способности и бессилия. Аристотель в «Метафизике» отмечает, что потенция всегда сопряжена с лишенностью: «Способность и неспособность относятся к одному и тому же» [5, с. 235]. Агамбен радикализирует эту идею, утверждая, что человеческая потенция структурно включает в себя импотенцию: «Всякая способность-быть есть одновременно неспособность, а подлинная сила заключается в сохранении этой двойственности» [3, с. 17–18].

В отличие от аристотелевской модели, где ценность потенции обусловлена её реализацией в *energeia*, Агамбен настаивает на примате незавершённости: полная актуализация уничтожает потенциальность, лишая человека свободы. Таким образом, в его онтологии актуальное подчинено потенциальному, а не наоборот.

Антропология Джорджо Агамбена формируется как радикальный вызов классическим метафизическим моделям, исторически определявшим человека через нормативные категории: логос (Античность), трансцендентное (Средневековье) или самосознание (Новое время). Эти парадигмы, по Агамбену, не только ограничивают понимание человеческого бытия, но и служат инструментами биополитического управления, превращая жизнь в объект контроля через диспозитивы права, труда и идентичности [4, с. 23]. В противовес этому Агамбен обращается к феноменам немощи, слабости и импотенции – состояниям, маргинализированным даже в рамках критических проектов Маркса и Ницше. Если Маркс видел в слабости следствие отчуждения, а Ницше – признак рессинтезанта, то для Агамбена эти состояния выступают основой свободы. Он утверждает: «Человек свободен не вопреки своей слабости, но благодаря ей – именно в невозможности быть тождественным самому себе открывается пространство неприсвоемости» [1, с. 45]. Эта «неприсвоемость» позволяет сопротивляться механизмам власти, редуцирующим жизнь к управляемому ресурсу (например, цифровому профилю, биометрическим данным). В отличие от аристотелевского политического животного (*zoon politikon*), чья сущность реализуется в гражданской активности, агамбеновский субъект конституируется через свою потенциальность, через свою потенцию-не.

Потенция-не: перспективы потенциальности

Необходимость потенциальности, спасения слабости и лишённости в философском проекте Джорджо Агамбена обусловлена их ролью в конституировании свободы человека. Агамбен связывает потенциальность с потенцией-не – способностью приостанавливать действие, тем самым наделяя субъекта властью бездействия. Как подчёркивает Агамбен: «Подлинно свободен тот, кто, сохраняя связь с собственной лишённостью, способен к неспособности» [3, с. 17]. В этой перспективе свобода реализуется не через действие, а в способности *не* актуализировать потенцию, в удержании зоны не-принадлежности.

В этом отношении стоит упомянуть критику опыта свободы в философии Агамбена, которую осуществляет в своих работах немецкий философ Франк Руда. По мнению Ф. Руда главный промах Агамбена, как и, впрочем, всей экзистенциальной философии, заключается в том, что свободное действие всегда откладывается и осуществляется в проекции будущего: свобода – это тот бросок во времени, которые выражает гетерогенность и потенциальную множественность осуществления моего

бытия. Идея Ф. Руды состоит в том, что свобода – это есть выражения моего способа бытия внутри конкретной и фактической ситуации [17, р. 140]. Быть свободным значит быть открытым контингентности настоящего. В этом аспекте, как полагает Ф. Руда, открывается взаимосвязь между человеком и животным. Животное, как и человек, открыто гетерономным силам настоящего, способно к спонтанному самоосуществлению. Однако, если животное, сталкиваясь с пределами своего самоосуществления не способно их проблематизировать и изменить, то человек может поставить себя в предел (Гегель) и оттолкнувшись от границы перейти к новому самоосуществлению.

Согласно Джорджо Агамбену как потенция-не раскрывается в двух взаимосвязанных аспектах. Во-первых, она конституирует саму возможность действия: осознание собственной немоги («я не могу») становится условием подлинного деятельного выбора, поскольку «только зная пределы своей способности, субъект обретает пространство для актуализации» [15, р. 361]. Во-вторых, потенция-не обладает эмансипаторным потенциалом, аналогичным дерридианской *différance*: через приостановку деятельности она деактивирует социокультурные диспозитивы, высвобождая существование из исторически навязанных рамок [15, р. 360]. Результатом этого высвобождения становится «множественность самоосуществления» – способность человека быть «любимым». Агамбен трактует эту множественность как «онтологическое основание политики», противопоставляя её традиционным концептам общности (народ, государство): «Дело человека требует множества, более того, делает множество... истинным субъектом политики» [3, с. 35].

Таким образом, политика у Агамбена – это пространство «продолжения потенциальности», где свобода реализуется через незавершённость, а не через фиксацию идентичности. «Потенция-не» становится и методологической основой критики «мессианского времени», интерпретируемого Агамбеном через синтез идей Бенямина и Деррида. В работе «Оставшееся время» мессианское время определяется как «время задержки», приостанавливающее линейный хронос и открывающее кайрос – момент преобразования [2, с. 132]. Этот «остаток потенциальности», не сводимый к догме или закону, действует через деактивацию нормативных структур: «Он превращает слово закона недействительным... делая его свободно доступным для использования» [2, с. 175–176]. Как отмечает Т. Э. Льюис, мессианское время у Агамбена – это «время разобщённости», измеряющее дистанцию между субъектом и историей, что создаёт условия для политического переприсвоения [15, р. 361].

Проблема трансформации механизмов освоения и интерпретации закона, актуализируемый в контексте поиска новых форм субъективации, находит концептуальные параллели в поздних работах Мишеля Фуко о практиках заботы о себе и в критической теории Джудит Батлер [6; 14]. Последняя, опираясь на теорию перформативности Джона Остина, утверждает, что повторение нормативных практик не просто воспроизводит закон, но создаёт условия для его «имманентной деконструкции». Как подчёркивает Батлер, «перформативный разрыв» (*performative gap*) между актом воспроизведения и его интерпретацией открывает пространство для пересмотра устоявшихся дискурсивных структур: «Субверсивное повторение – это не отмена нормы, но её переориентация, смещение центра власти через присвоение её языка» [14, р. 145].

Эту логику можно экстраполировать и на институциональное поле университета, который, вопреки своей традиционной роли хранителя канона, всё чаще выступает зоной перманентной ревизии смыслов. Университет, в агамбеновском ключе, функционирует как «топос незавершённого», где знание производится не через утверждение истин, а через их проблематизацию. Здесь археология смысла (по Фуко) сочетается проблематизацией иерархии канонических текстов и дисциплинарных границ. Это не отмена канона, но его «децентрализация», превращающая университет в лабораторию потенциальности, где потенциальность проявляется в способности удерживать множественность интерпретаций.

В современной философии природа университета раскрывается через приостановку канона – переход от догматического чтения к «герменевтике подозрения» (Поль Рикёр) [10, с. 159], культивацию «эпистимологического неповиновения» (Вальтер Миньоло) [16, р. 172] – отказ от евроцентричных эпистемологических моделей, и, наконец, трансформацию педагогики – смещение акцента с трансляции знания на производство «незнания» как ресурса критики (Дона Харауэй) [13, с. 315].

Все эти процессы созвучны идее Агамбена о том, что подлинная политика рождается не из силы, но из удержания потенциала инаковости в сердцевине институциональных структур.

Выводы

Таким образом, исследование концепции негативной антропологии Джорджо Агамбена демонстрирует ее радикальный разрыв с традиционными антропологическими парадигмами, определяющими человека через продуктивность (*energeia*) или сущностные характеристики. Агамбеновская деконструкция категории праздности и потенциальности переворачивает классическую метафизику, утверждая, что свобода человека коренится не в реализации возможностей, а в способности удерживать их в модусе незавершённости. Этот подход позволяет переосмыслить антропологию, сместив фокус с *homo faber* на «животное субботы» – существо, чья сущность раскрывается в бездействии (*inoperosità*), а не в труде.

Ключевым достижением негативной антропологии становится её критика биополитического управления, редуцирующего жизнь к управляемым процессам. Агамбен показывает, что институты власти присваивают человеческую потенциальность, превращая её в ресурс контроля. Ответом на это выступает существование, не сводимое к социальным ролям или идентичностям, но основанное на имманентной негативности. Эта концепция открывает пространство для этики, где свобода реализуется не через действие, а через деактивацию диспозитивов власти, будь то правовые нормы, трудовые императивы или цифровые алгоритмы.

Значение агамбеновской философии для современных дискуссий о свободе заключается в её способности предложить альтернативу как либеральным моделям субъективности, так и постструктуралистскому релятивизму. Актуализируя категории праздности и имманентности, Агамбен возвращает философии её политическое измерение, связывая онтологию с сопротивлением. Его идеи особенно актуальны в условиях кризиса традиционных идеологий, роста технологического контроля и трансформации труда, где потенциальность и бездействия становятся инструментом противостояния.

Однако предложенная Агамбеном модель не лишена противоречий. Вопрос о том, как совместить удержание потенциальности с необходимостью коллективного действия, остаётся открытым. Перспективы дальнейших исследований видятся в компаративном анализе агамбеновской негативной антропологии с концепцией «хрупкой жизни» Джудит Батлер [6, с. 99], а также в применении её методологии к актуальным социокультурным вызовам – от экологического кризиса до цифровой дегуманизации. Таким образом, философия Агамбена задаёт вектор для переосмысления не только антропологии, но и самих оснований культуры в XXI в.

Список литературы

1. Агамбен, Дж. Грядущее сообщество / Дж. Агамбен ; пер. с ит. Д. Новикова. – Москва : Три квадрата, 2008. – 144 с.
2. Агамбен, Дж. Оставшееся время: Комментарий к Посланию к Римлянам / Дж. Агамбен ; пер. с итал. С. Ермакова. – Москва : Новое литературное обозрение, 2018. – 224 с.
3. Агамбен, Дж. Потенция мысли / Дж. Агамбен ; пер. с итал. Д. Фарафоновой // *Versus*. – 2023. – № 2. – С. 6–23.
4. Агамбен, Дж. Средства без цели: Заметки о политике / Дж. Агамбен ; пер. с итал. И. Саттарова. – Москва : Гилея, 2015. – 366 с.

5. Аристотель. Сочинения : в 4 т. / Аристотель ; общ. ред. В. Ф. Асмуса. – Москва : Мысль, 1976. – Т. 1. – 550 с.
6. Батлер, Дж. Заметки к перформативной теории собрания / Дж. Батлер ; пер. с англ. Д. Кралечкина. – Москва : Ад Маргинем Пресс, 2018. – 248 с.
7. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер // Вебер М. Избранные произведения : пер. с нем. / М. Вебер ; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайдено. – Москва : Прогресс, 1990. – С. 44–271. – (Социологич. мысль Запада).
8. Евстропов, М. Н. «Любое»: онтологический маньеризм Джорджо Агамбена / М. Н. Евстропов // Вестник КрасГАУ. – 2014. – № 12. – С. 291–296.
9. Прозументик, К. В. Siate Inoperosi: поэтика бездействия Джорджо Агамбена / К. В. Прозументик // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура, история, философия, право. – 2018. – № 4. – С. 7–19. – doi: 10.15593/perm.kipf/2018.4.01.
10. Рикёр, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П. Рикёр. – Москва : Академический проект, 2008. – 695 с.
11. Сартр, Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии / Ж.-П. Сартр ; пер. с фр. В. И. Колядко. – Москва : Республика, 2000. – 639 с.
12. Фарафонова, Д. «Ум, окунающий перо в чернила мысли»: к вопросу о переводе на русский язык термина *potenza* и о его значении в онтологии Джорджо Агамбена / Д. Фарафонова // Versus. – 2023. – № 2. – С. 151–164.
13. Харауэй, Д. Оставаясь со смутой: Заводить сородичей в Хтулucose / Д. Харауэй ; пер. с англ. А. Писарева, Д. Хамис, П. Хановой. – Пермь : Hyle Press, 2021. – 347 с.
14. Butler, J. P. Gender trouble: feminism and the subversion of identity / J. P. Butler. – New York : Routledge, 1990. – 221 p.
15. Lewis, T. E. The Architecture of Potentiality: Weak Utopianism and Educational Space in the Work of Giorgio Agamben / T. E. Lewis // Utopian Studies. – 2012. – Vol. 23, № 2. – P. 355–373. – doi: 10.5325/utopianstudies.23.2.0355&.
16. Mignolo, W. D. Epistemic Disobedience, Independent Thought and Decolonial Freedom / W. D. Mignolo // Theory, Culture and Society. – 2009. – Vol. 26 (7–8). – P. 159–181.
17. Ruda, F. Indifference and Repetition; or, Modern Freedom and Its Discontents Indifference and Repetition / F. Ruda ; ed. by H. H. Yeung, A. Badiou. – New York : Fordham University Press, 2023. – 224 p.

References

1. Agamben, Dzh. *Gryadushchee soobshchestvo* [The coming community]. Moscow: Tri kvadrata; 2008, 144 p.
2. Agamben, Dzh. *Ostavsheesya vremya: Kommentarii k Poslaniyu k Rimlyanam* [The Remaining Time: A Commentary on the Epistle to the Romans]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2018, 224 p.
3. Agamben, Dzh. Potentsiya mysli [The potency of thought]. *Versus*. 2023, no. 2, pp. 6–23.
4. Agamben, Dzh. *Sredstva bez tseli: Zametki o politike* [Means without end: notes on politics]. Moscow: Gileya; 2015, 366 p.
5. Aristotel. *Sochineniya: v 4 tomakh* [Works: in 4 vols.]. Moscow: Mysl; 1976, vol. 1, 550 p.
6. Butler, Dzh. *Zametki k performativnoy teorii sobraniya* [Notes towards a performative theory of assembly]. Moscow: Ad Marginem Press; 2018, 248 p.
7. Veber, M. *Protestantskaya etika i dukh kapitalizma* [The Protestant ethic and the spirit of capitalism]. *Veber M. Izbrannye proizvedeniya* [Veber, M. Selected works]. Moscow: Progress; 1990, 808 p.
8. Evstropov, M. N. “Lyuboe”: ontologicheskii manerizm Dzhordzho Agambena [“Anything”: the ontological mannerism of Giorgio Agamben]. *Vestnik KrasGAU* [The Bulletin of KrasGAU]. 2014, no. 12, pp. 291–296.
9. Prozumentik, K. V. Siate Inoperosi: poetika bezdeistviya Dzhordzho Agambena [Siate Inoperosi: The Poetics of Inaction Giorgio Agamben]. *Vestnik Permskogo natsionalnogo issledovatel'skogo politehnicheskogo universiteta. Kultura, istoriya, filosofiya, pravo* [Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Culture, history, philosophy, Law]. 2018, no. 4, pp. 7–19, doi: 10.15593/perm.kipf/2018.4.01.
10. Riker, P. *Konflikt interpretatsii. Ocherki o germenevtike* [Conflict of interpretations. Essays on hermeneutics]. Moscow: Akademicheskii proekt; 2008, 695 p.
11. Sartre, Zh.-P. *Bytie i nichto: opyt fenomenologicheskoy ontologii* [Being and nothingness: the experience of phenomenological ontology]. Moscow: Respublika; 2000, 639 p.

12. Farafonova, D. "Um, okunayushchii pero v chernila mysli": k voprosu o perevode na russkiy yazyk termina potenza i o ego znachenii v ontologii Dzhordzho Agambena ["The mind dipping the pen in the ink of thought": towards the question of the translation of the term potenza and its meaning in Giorgio Agamben's ontology]. *Versus*. 2023, no. 2, pp. 151–164.
13. Kharauai, D. *Ostavayas so smutoy: Zavodit' sorodichei v Khtulutsene* [Staying with confusion: Making kin in Htultsen]. Perm: Hyle Press; 2021, 347 p.
14. Butler, J. P. *Gender trouble: feminism and the subversion of identity*. New York: Routledge; 1990, 221 p.
15. Lewis, T. E. The Architecture of Potentiality: Weak Utopianism and Educational Space in the Work of Giorgio Agamben. *Utopian Studies*. 2012, vol. 23, no. 2, pp. 355–373, doi: 10.5325/utopianstudies.23.2.0355.
16. Mignolo, W. D. Epistemic Disobedience, Independent Thought and Decolonial Freedom. *Theory, Culture and Society*. 2009, vol. 26 (7–8), pp. 159–181.
17. Ruda, F. *Indifference and Repetition; or, Modern Freedom and Its Discontents*. New York: Fordham University Press; 2023, 224 p.

Информация об авторе

Костомаров А. С. – кандидат философских наук, доцент.

Information about the author

Kostomarov A. S. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 03.03.2025; одобрена после рецензирования 28.03.2025; принята к публикации 31.03.2025.

The article was submitted 03.03.2025; approved after reviewing 28.03.2025; accepted for publication 31.03.2025.